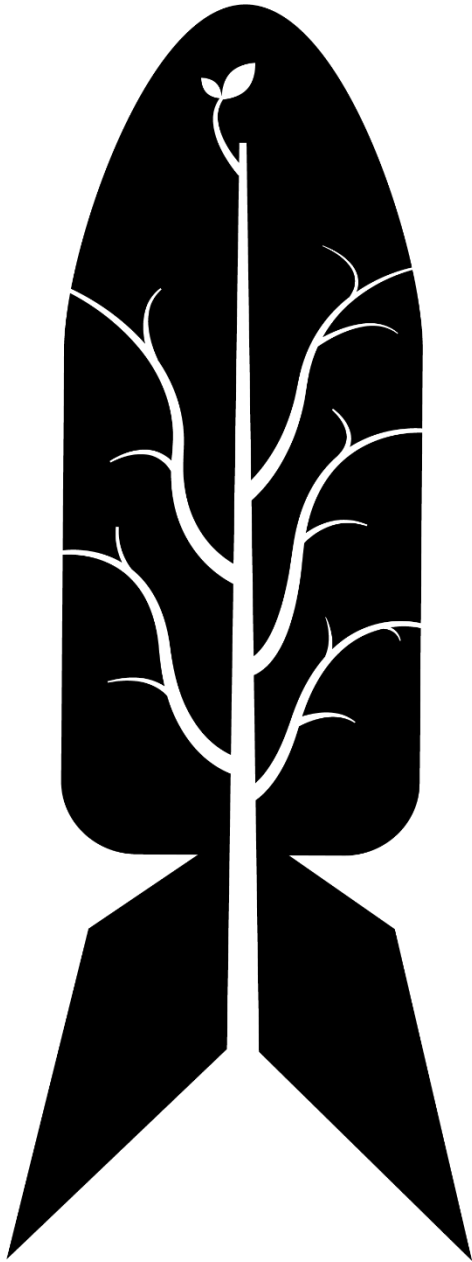

UWEC WORK GROUP issue

U W

E C

**Ukraine War
Environmental
Consequences
Work Group**

*Issue # 3
2022 UWEC work group*

Дорогие друзья!

Мы продолжаем анализировать, следить, писать про экологические последствия войны. Для нас это важно и потому, что происходящее в Украине – отражение фундаментального конфликта, который разрушает общность человечества и планету Земля. Эта война наглядно показала, как авторитарные режимы уничтожают тысячи жизней, недальновидные планы приводят к катастрофам, а экология, к сожалению, зачастую становится прикрытием для удовлетворения корыстных интересов.

У войны множество последствий. Она обнажает проблемы, которые словно бы скрывало мирное время. Например, добыча золота всегда являлась грязной и вредной для окружающей среды, но про нее не так много говорили и не так много говорят до сих пор. Наш эксперт Евгений Симонов в своем тексте рассказывает, как война и санкции привели к тому, что, с одной стороны, России стало тяжелее продавать золото, но, с другой, законодательство регламентирующее его добычу, значительно упростилось. Это может иметь фатальные последствия для окружающей среды целых регионов.

- Оригинал статьи: [War-time gold rush](#)

Сводки с полей боев рассказывают нам про то, как война уносит тысячи жизней солдат и мирных граждан. Однако еще больше на войне гибнет зверей и деревьев, подсчетом смертей которых никто не занимается. Украинская авторка и экологиня Катерина Полянская рассказала об этой скорбной стороне войны, про которую мало говорят.

- Оригинал статьи: [Animal victims of war](#)

Происходящее сегодня в Украине также называют экоцидом. Этот термин позволяет не только обратить внимание на массовую гибель живых организмов, но и создает юридическую базу для подачи исков в международные суды. Вместе с исполнительницей директоркой и членом совета украинской организации «Экология Право Люди» Еленой Кравченко, мы обсудили войну с точки зрения экологического права, поговорили о стандартах сбора информации и перспективах уголовного преследования за преступления против природы.

- Оригинал статьи: [Interview with Olena Kravchenko of the NGO «Environment - People - Law»](#)

Недавно в Лугано был представлен план восстановления Украины, который вызвал резкую критику у украинских экологических организаций. Его даже назвали «луганским позором». Что с ним не так, читайте в статье написанной нашей редакционной командой.

- Оригинал статьи: [Environmentalists critique Ukraine's reconstruction plan](#)

Война оказывает непосредственное влияние и на международную климатическую политику. В ноябре в Египте пройдет Конференция сторон Рамочной конвенции ООН по климату (COP-27) и среди климатических переговорщиков и экспертов настроения сегодня менее оптимистичные, чем, скажем, год назад. Как война влияет на международные проекты по декарбонизации и на мировую климатическую политику в целом, вы узнаете из интервью с Биллом Хеп (Bill Hare), основателем и генеральным директором Climate Analytics и одним из руководителей Climate Action Tracker.

- Оригинал статьи: [«Governments prioritize energy security over the clean energy transition»](#)

Больше информации об экологических последствиях войны вы сможете найти на нашем сайте uwecworkgroup.info и в наших социальных сетях – Facebook и Twitter

Берегите себя и берегите этот хрупкий мир,
Главный редактор UWEC
Овчинников Алексей

Золотая лихорадка войны. Есть ли природоохранный эффект у санкций на российское золото?

Евгений Симонов, эксперт UWEC

Чем больше санкций накладывается западными странами на Россию, тем актуальнее вопрос об их экологических последствиях. В каждом секторе они свои, и часто далеко не очевидны и вовсе не однозначны. Сегодня мы попробуем разобраться, как санкции влияют на производство золота, и чем это чревато для природы и местных жителей в районах его добычи.

Золото под санкциями

Страны G-7 на встрече в конце июня объявили, что [США](#), Великобритания, Канада и Япония накладывают запрет на импорт золота из России. К ним присоединилась Австралия, а Евросоюз пообещал обсудить такой запрет при формировании следующего пакета санкций. На ввоз драгоценных металлов в Россию также наложен запрет. Цель нового пакета санкций, как и всех предыдущих -- лишить Россию средств для ведения войны в Украине.

Россия входит в тройку крупнейших стран золотодобытчиков мира, уступая лишь Китаю и Австралии, и ответственна примерно за 9% мировой добычи. Всего в 2021 году Россия добыла около 340 тонн золота и экспортировала 85% добытого. В 2021 году золото было одним из основных источников экспортных поступлений для России после нефти, газа и сельхозпродукции. Но выручка от экспорта золота - около 18 миллиардов долларов США, составляла сравнительно скромную часть от общих доходов России от экспорта в 2021, которые равнялись 498 млрд долларов.

Москва начала наращивать свои золотовалютные активы еще в 2014 году в связи с санкциями США в отношении России из-за аннексии Крыма и сейчас она, по разным оценкам, имеет около 140 миллиардов долларов золотых резервов, что составляет примерно пятую часть всех активов ([авуаров](#)) российского Центрального банка (ЦБ). В 2020 году ЦБ прекратил активную скупку золота, вынуждая компании и банки продавать его на экспорт. В конце 2021 года Россия [занимала](#) пятое место в мире по золотым запасам.

Золотодобывающая отрасль в целом [вносит весомый вклад](#) в общий бюджет России, производя продукцию на сумму свыше 1,3 трлн руб. (более 20 млрд долл. в 2021 году) и уплачивая многочисленные налоги и платежи. Один только налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ) приносит почти 80 млрд руб., а общие платежи в бюджет составляют не менее 20% от суммы реализации золота.

Золото и/или природа

Золото – также экологически весьма «грязный» продукт, добыча которого обычно связана с разрушением ландшафтов и загрязнением рек. Кроме того, добыча драгоценного

металла часто связана с коррупцией, криминальными схемами, угнетением или насильственным переселением из районов месторождений коренного местного населения, а также изоэренной эксплуатацией рабочих. Это всемирная проблема, которая заставляет крупнейших покупателей и переработчиков золота [отслеживать цепочки поставок](#), чтобы убедиться, что получаемое золото не «замарано» кровью людей или разрушением ценных природных экосистем.

В России экологами хорошо известно, что наибольший вред природе и местным общинам наносят мелкие артели, ведущие добычу россыпного золота примитивным варварским способом – раскапывая песчаные наносы в долинах рек, что превращает их в лунные ландшафты площадью во множество километров, а также вызывает хроническое замутнение рек вниз по течению от золотых приисков. Таким образом добывается только 15-20% всего золота России, но на них приходится львиная доля ущерба природе.

Фото: Обычный ландшафт после добычи россыпного золота Источник: Минэкологии Красноярского края.

Крупные компании сосредоточены на более высокотехнологичном процессе добычи золота из руды, их рудники занимают гораздо меньшую площадь и, как правило, являются предметом гораздо более пристального государственного экологического контроля. Хотя каждое отдельное такое производство несет высокий потенциал экологической опасности, особенно при авариях, в совокупности (и тем более в пересчете на килограмм золота) они наносят существенно меньший ущерб природным экосистемам и создают меньше неудобств местному населению.

По [данным председателя](#) Союза старателей России Виктора Таракановского, всего 43 компании ответственны за 84% процента золота, добываемого за год в России, а

остальные 550 добавляют к этому всего 16%. В большинстве своем это как раз те самые артели на речных россыпях.

Несмотря на то, что диспропорционально большой вред от мелкомасштабной добычи россыпного золота хорошо известен властям, сегодня в России она поощряется и практически любая организация может без конкурса за сущие копейки получить «поисковую лицензию», разрешающую на свой страх вести поиск и «пробную» добычу золота в понравившейся заявителю речной долине.

Журнал [UWEC уже рассказывал](#) о том, как нарушения экологического законодательства такими старателями существенно увеличились в 2022 году, так как в военное время бизнес освободили от государственного экологического контроля. Поэтому, вопрос о том, как санкции и другие факторы военного времени отразятся на экологическом ущербе вызванном золотодобычей весьма волнует экологов России.

Удар по экспорту

Наиболее эффективные меры по блокированию экспорта российского золота были предприняты сразу после начала военных действий. В начале марта Лондонская ассоциация участников рынка драгоценных металлов (LBMA) «временно» лишила основные российские аффинажные заводы статуса надежных продавцов (Good Delivery).

Почти все легальное золото проходит очистку на нескольких аффинажных заводах. Решение [затронуло](#) слитки, произведенные на «Красцветмете», «Новосибирском аффинажном заводе», «Уралэлектромеди», «Приокском заводе цветных металлов», «Щелковском заводе вторичных драгоценных металлов», «Московском заводе спецсплавов».

Good Delivery присваивается аффинажным заводам, производителям мерных слитков золота, которые соответствуют требованиям LBMA. Слитки от поставщика с этим статусом не требуют дополнительных проверок и могут свободно продаваться на бирже металлов London Metal Exchange (LME) и других западных торговых площадках. Без этого статуса продажи золота в Великобритании и других западных странах практически невозможны, а в других частях света возможны, но с большим дисконтом.

Впрочем, Лондон не единственный мировой центр по торговле драгоценными металлами. Золото также можно реализовать на торгах в Дубае (ОАЭ), Шанхае (Китай) и Мумбае (Индия). Но беда в том, что к 2021 году около 90% российского экспорта золота приходилось на Великобританию и другие западные страны и переориентировать продажи куда-то еще весьма проблематично.

— Именно в ОАЭ, Индию и Китай наши игроки будут стремиться нарастить продажи, хоть и со скидкой. В 2021 году спрос на золото в Индии приблизился к 800 тоннам, в Китае превысил 1,1 тысячи тонн, — заявил «Октагон-медиа» «промышленный эксперт» Леонид Хазанов. - При самом жёстком сценарии можно ожидать падение добычи по

итогам 2022 года на 30–40 процентов (до 200–230 тонн) и сокращению его экспорта на 20–30 процентов.

Важнейшим фактором сокращения экспорта стали санкционные меры по отношению ко многим российским банкам. Первым санкции против России на любые сделки с золотом, которое имеет отношение к Центробанку РФ, ввел 24 марта Минфин США. Далее санкции охватили большой круг именно тех крупных банков, которые были посредниками для продажи за рубеж основного объема российского золота.

Distribution of Russian Gold Exports in 2021

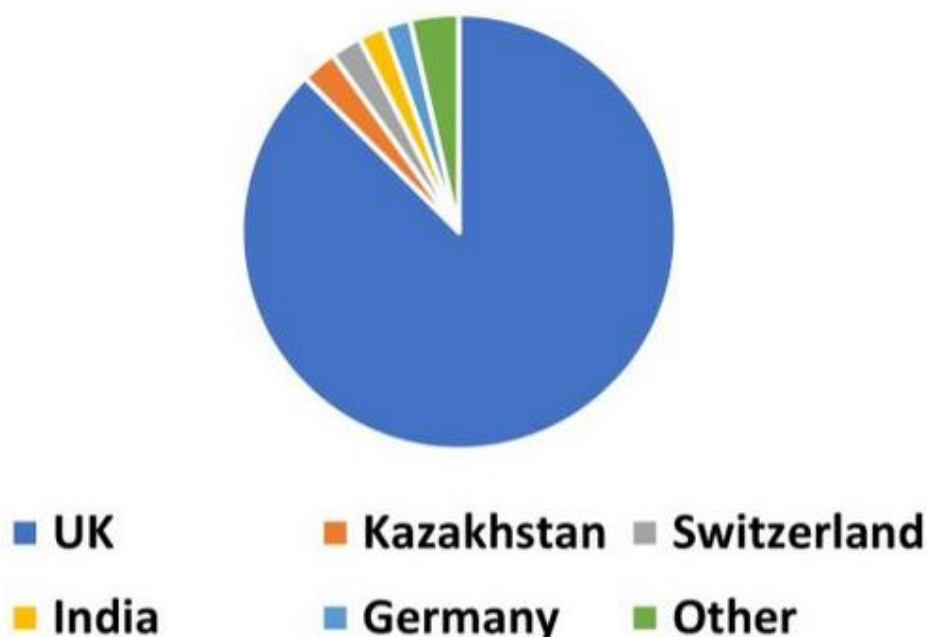

Рисунок. Экспорт российского золота в 2021 г. «По данным британской стороны, в прошлом году импорт российского золота в страну составил 15,45 млрд долларов.»
Источник: Октагон Медиа

Вероятные покупатели

Таким образом, еще до введения санкций G-7, продажи золота за рубеж кардинально сократились и, по свидетельству председателя «Союза золотопромышленников России» Сергея Кашубы, основной сбыт золота идет на внутренний рынок. По его словам, два основных российских потребителя золота: это отечественная ювелирная промышленность, которая в предыдущие годы потребляла от 30 до 35 тонн химически чистого золота, и граждане, которые после отмены налогов на доходы физических лиц и налога на добавленную стоимость могут скупить 25-30 тонн золота.

Отмена налогов в размере 33% от стоимости золота проведена государством для того, чтобы сделать золото привлекательной альтернативой хранению средств в валюте. Однако пока спрос физлиц на золото вышел на плато, в частности в силу высокой волатильности цен на этот драгоценный металл и сложностями его покупки банками у физических лиц.

Центральный банк России также начал скупку золота для пополнения золотовалютных запасов, но ведет её с дисконтом в 15% к рыночной цене. Осуществлять это он начал по данным Союза золотопромышленников с 16 мая по 10 июня 2022 года, когда мировая цена на золото в рублевом выражении колебалась в диапазоне от 3345 до 3968 рублей за грамм. В этот же период цена покупки золота Центробанком находилась в коридоре от 2842 до 3198 рублей за грамм.

Объем возможного сокращения производства также зависит от того, сколько золота ЦБ будет готов закупить в резервы в текущем году. На отраслевой конференции в мае Виктор Таракановский сетовал что планируемые государством объемы закупки невелики: «В трехлетнем бюджете Гохрана запланирован закуп всего 8 тонн золота, а куда девать ещё 350 тонн, неизвестно.»

Много шума наделала обнаруженная журналистами и НКО поставка 3 тонн российского золота в мае 2022 г в Швейцарию. Швейцарские таможенники отказались раскрыть имя владельца металла, но резонно заметили, что никакого юридического запрета на такой импорт в стране пока нет. Все аффинажные заводы страны открестились от данной партии золота, что показывает чрезвычайную чувствительность бизнеса к малейшим подозрениям в получении «грязного золота». Вероятнее всего, какой-то российский золотодобытчик или иной владелец просто ввез добытое или купленное в предыдущие годы золото в Швейцарию на хранение, но эта информация все равно вызвала резкий общественный резонанс.

Компании, экспортирующие в западные страны, также испытывают трудности. Например на 74% упала стоимость ценных бумаг крупнейшей золоторудной компании ОАО «Полиметалл» (дочка Polymetal Int), которая сама сбывала 50% добытого золота «в страны Азии».

Некоторые эксперты утверждают, что несмотря на угрозу вторичных санкций, восточный вектор торговли все же начал оживляться.

— У России сейчас уже наблюдается всплеск торговли золотом с Арабскими Эмиратами. Мы массово повезли слитки в Дубай. Скоро подключатся Индия и Китай, — свидетельствует в интервью газете Взгляд вице-президент компании «Золотой монетный дом» Алексей Вязовский.

Запас прочности золотых компаний

По данным Союза золотопромышленников рублевая выручка компаний упала на треть из-за укрепления рубля, так как стоимость золота определяется по международному биржевому курсу в долларах. Также наблюдается увеличение практически всех статей расходов на добычу. В 2022 году наиболее значительный рост ожидается в затратах на геологоразведочные работы (40%), затратах на сырье и материалы (+ 30%), рост затрат на зарплату и социальные нужды (+15%). Рост цен на селитру, являющуюся ключевым компонентом взрывчатки, уже составил от 200 до 400%, что отражает её дефицит в военное время.

Цена на покупку золота находится ниже себестоимости добычи у большинства компаний отрасли, особенно для добывающих россыпное золото, начавших свою сезонную работу уже в период сверхнизких рублевых цен.

Многие иностранные производители и поставщики оборудования для добычи полезных ископаемых, такие как KOMATSU, CATERPILLAR, LIEBHERR и JOHN DEERE, «временно» ушли с российского рынка и это создает большую потенциальную проблему обеспечения машинами и комплектующими. Пока продолжают поставки китайской техники и южнокорейской техники китайской сборки, но она обойдется дороже и может оказаться менее надежна, чем ранее доступный ассортимент.

Многие работающие в России иностранные компании в 2021 году успели обзавестись большим парком новых машин и теперь рады бы были перевести их на рудники в других странах. Министр МПР Александр Козлов, выступая в Госдуме, заявил, что подписал приказ, который ограничил вывоз иностранного геологоразведочного, добычного и лабораторного оборудования.

— А то многие ринулись вывозить это оборудование за пределы нашей страны, особенно компании с иностранным капиталом. За три месяца мы выдали только 16 разрешений на вывоз, семидесяти — отказали. Ещё порядка 400 заявок сейчас на рассмотрении и мы их трактуем в пользу государства — отчитался министр.

Mangazeya Mining Ltd, российская золотодобывающая компания с активами в Забайкалье, прекратила обращение на канадской бирже ценных бумаг. Делистинг, вероятно, ждет и другие компании, продолжающие бизнес в России.

Генеральный директор ОАО «Красцветмет» Михаил Дягилев считает ситуацию сложной, но не критической, ибо у крупных недропользователей, производящих львиную

долю золота, остается большой запас прочности. Но для мелких компаний, по оценкам председателя Союза старателей России, настали трудные времена. И, как правило, это компании, занимающиеся россыпным золотом.

— Предприятий, которые и одного килограмма за год не добывают, у нас 11. Ещё 55 добывают от 1 до 5 килограммов, 61 — от 5 до 10 килограммов. Итого 127 компаний, которые вместе взятые добывают около тонны металла. ...А они куда будут сбывать золото? — спрашивает Виктор Таракановский.

Ассоциации недропользователей Магаданской области послала письмо с «криком о помощи» вице-премьеру Юрию Трутневу:

— В зоне особого риска оказываются малые и средние золотодобывающие предприятия, для которых получение генеральной лицензии на экспорт и заключение договоров с зарубежными покупателями с учетом санкционных сложностей окажется невозможным, либо потребует длительного времени. Следствием может стать криминализация золотодобычи, либо ее сокращение на величину до 40% (120 тонн в год) с потерей до 40 тыс. рабочих мест в восточных регионах России — заявляют старатели Магадана. И приводят убедительную статистику:

«В 2021 году средняя себестоимость добычи золота в России составляла 1700 рублей за грамм, а при капитальных затратах - 2450 рублей. На рынке золото стоило 4 340 рублей за 1 грамм, что обеспечивало предприятиям прибыль для ведения деятельности, обслуживания финансовых обязательств и инвестиций. В текущем году инфляция увеличивает издержки на 490 рублей за грамм, укрепление рубля сокращает прибыль на 1082 рублей, а дисконт Центробанка сокращает доходность еще на 489 рублей за грамм, что делает реализацию золота на внутреннем рынке прямо убыточной».

Несмотря на все трудности, по данным Росстата, в январе-мае 2022 года Россия всего на 4,6% сократила производство золота по сравнению с аналогичным периодом 2021г. Кстати, это, возможно, последние официальные данные про золото России: компании перестают публиковать квартальные результаты, а Госдума в июле приняла закон относящий к гостайне сведения о золотом запасе страны.

Варианты ответных действий России

Все представители золотопромышленной отрасли, естественно, активно побуждают Центробанк РФ отменить 15% дисконт при закупке золота, что существенно увеличит рентабельность добычи.

— С 2006 года (по 2020 г.) Центральный банк РФ очень активно покупал золото недропользователей по мировой цене с небольшим дисконтом в 0,5%, и вернуться сейчас к этой практике - самое время, – утверждает председатель Союза золотопромышленников.

Чтобы не допустить банкротства большинства мелких компаний, Союз старателей предлагает обеспечить государственные гарантии реализации добытого золота в соответствии с ФЗ «О драгметаллах». Для этого предлагается увеличить финансирование на закупки произведенного золота в государственные резервы через Гохран и Фонд национального благосостояния в объеме до 300 тонн драгметалла (в год).

Центробанк также недавно публично признал преимущества золота.

— Золото тем и хорошо, что на него невозможно наложить арест, — отметила глава Центробанка РФ Эльвира Набиуллина во время выступления на съезде РСПП 29 июня. — Оно полностью хранится у нас на территории России, поэтому в этом смысле оно более защищенное. Но, конечно, при этом надо понимать, что цена золота очень волатильная. Это надо учитывать.

Последует ли за этим увеличение скупки золота ЦБ – неясно.

Некоторые экономисты считают, что санкции G-7 как раз и направлены на предотвращения активного использования золотого запаса РФ.

— Россия могла бы оплачивать товары, которые не производятся в стране и без которых невозможно обойтись, то есть товары критического импорта, драгметаллом. Это особенно актуально в условиях ужесточения эмбарго на российские нефть и газ. Можно было бы использовать около 21% золотовалютных резервов для оплаты критического импорта. Но в условиях санкций это будет невозможно, — пояснила изданию Газета.ру экономист Татьяна Куликова, сотрудник Математического института имени В. А. Стеклова.

По мнению Куликовой, западные страны запретили также и ввоз золота в РФ, так как заранее хотят отрезать России возможность продавать нефть и газ за золото.

Для «защиты отечественных компаний» МПР разработан законопроект, чтобы обезопасить российских партнёров от случаев, когда иностранцы прекращают свою деятельность в совместных проектах. Действительно, санкции уже заставили канадскую компанию Kinross Gold продать свои российские активы, Polymetal Int. – разделиться на российскую и зарубежную части, а Petropavlovsk не смог выплатить долги подсанкционному российскому банку. По новому законопроекту нерезиденты

исключаются из состава лиц, которые могут получить в России лицензию на пользование недрами, что, по мнению МПР, заставит инвесторов всегда регистрировать российскую компанию, что предупредит возможное непредсказуемое поведение владельцев.

Борис Кавчик, научный сотрудник АО «Иргиредмет» предлагает работу Роснедр оценивать не количеством рассмотренных бумаг, проектов и отчетов, и даже не ресурсами золота, а увеличением реальной добычи золота в регионе, безаварийной работой предприятий, сохранностью окружающей среды. Он считает наиболее перспективным действием дальнейшее упрощение процесса получения лицензий на добычу золота и избавление старателей от мелочного государственного контроля.

И действительно, опасения о росте безработицы во время войны, вероятно, ускорили подготовку в Минвостокразвития законопроекта «О старательской деятельности». Закон разрешит частным лицам - индивидуальным предпринимателям деятельность по поиску и извлечению драгоценных металлов на старательных участках «непромышленным способом» на территории субъектов Дальнего Востока и Арктической зоны России. Люди сами будут выбирать и регистрировать участки, где они хотят добывать золото. Контроль за этой деятельностью будет минимальный.

Вероятные последствия для природы

По данным общественного мониторинга, поддержанного WWF, лишь за один месяц с 15 мая по 15 июня 2022 года общая протяженность загрязнений в 8 регионах составила 2949 км на 85 участках. Это больше, чем за аналогичный период прошлого года – тогда было зафиксировано 74 факта загрязнения рек общей протяженностью 2534 км. Наибольшее количество загрязнений зафиксировано на территории Амурской области (37 случаев, общая протяженность загрязнений — 1251 км).

— В этом году мы, к сожалению, видим рост негативного воздействия добычи россыпного золота на многие реки Сибири и Дальнего Востока. Понимая важность стратегического сырья для экономики России, мы выступаем за ограничения добычи россыпного золота, которая наносит урон экосистемам и ведется с нарушением природоохранного законодательства, – комментирует Алексей Книжников, руководитель программы WWF по экологической ответственности бизнеса.

В конце июня опубликованы рекомендации Общественной палаты Российской Федерации на тему «Экологические аспекты добычи россыпного золота», обусловленные увеличением ущерба природе от золотодобычи и широким общественным недовольством.

В числе рекомендаций органам госвласти – введение моратория на выдачу в упрощенном (заявительном) порядке так называемых поисковых лицензий. Они зачастую используются золотодобытчиками для прикрытия нелегальной разработки россыпных месторождений. Палата также просит ввести запрет на выдачу лицензий на разведку и добычу россыпного золота на участках, расположенных ближе 5 км от границы особо охраняемых природных территорий, а также на реках, протекающих через ООПТ и территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ.

Фото: Лунный ландшафт созданный золотодобытчиками в долине реки.

Источник: Минэкологии Красноярского края.

Итак, несмотря на санкции, которые вступили в силу уже после развертывания компаниями работ по золотодобыче в 2022 году, ущерб, наносимый природе, вряд ли снизится в ближайшие месяцы. Неопределенность будущего толкает компании интенсифицировать добычу, ибо золото, в любом случае, важный ресурс для выживания. При этом они будут нарушать многие природоохранные нормы, так как Росприроднадзор резко уменьшил число выездных проверок соблюдения законодательства.

Если Центробанк не возобновит закупку золота у отечественных компаний в полном объеме, то, вероятно, значительную часть мелких и средних компаний ждет банкротство, что может эффективно снизить темпы разрушения новых природных территорий. Кроме того, на следующий год многие компании откажутся от лицензий на освоение удаленных и труднодоступных месторождений, где они нанесли бы наибольший ущерб природе. При

этом общая добыча золота, вероятно, уменьшится несущественно (скажем, в пределах 20%-30%), так как крупные компании рано или поздно найдут альтернативные рынки сбыта.

С другой стороны, если осенью Государственная дума примет закон о разрешении гражданам индивидуальной «старательской деятельности» (известной как «вольный принос»), то это приведет уже в 2023 году к активной криминализации отрасли, позволяя сбывать золото неизвестного происхождения. Многие работники разорившихся малых артелей станут старателями-индивидуалами и пойдут глубоко в тайгу, где методы и масштабы добычи невозможно проконтролировать. Нет сомнений что для такой добычи будет использована и тяжелая техника и взрывные работы, хотя номинально закон это запретит. Объем добычи это практически не увеличит, но нанесет смертельный удар по пока уцелевшим таежным рекам. Разработка россыпей и загрязнение рек уже сейчас являются источниками массового недовольства во многих регионах и оно многократно усилится с принятием нового закона и началом «золотой лихорадки».

Старатели-«вольноприносители» вовлекут в оборот россыпные месторождения, с запасами до 20-30 кг., эксплуатация которых традиционными промышленными способами при современной конъюнктуре рынка экономически неэффективна. По оценкам Агентства Интерфакс в различных регионах России насчитывается не менее 10 тыс. таких непромышленных россыпей. По нашим оценкам, большинство этих участков – нетронутые человеком речные долины в удаленных участках дикой природы. Единственным потенциальным позитивным последствием остается надежда, что в старатели подастся какая-то часть молодых людей из депрессивных регионов Дальнего востока (например, Бурятии и Забайкальского края), которые в противном случае могут заключить контракт на участие в войне.

В случае если Центробанк решит наращивать золотовалютные резервы и закупать всё произведенное в стране золото без дисконта, то природе Сибири и Дальнего Востока ждут еще более масштабные потери.

Таким образом, ущерб природе от золотодобычи зависит не столько от санкций как таковых, сколько от ответа на них властей в рамках внутренней экологической и экономической политики РФ в военное время. И, как свидетельствует Постановление Правительства РФ №336 от 10 марта 2022 г., отменяющее проверки предприятий, пока власти РФ скорее склонны перекладывать любые издержки войны на природу.

«Сегодня важно привести к «золотому стандарту» сбор информации о многочисленных преступлениях против окружающей среды, вызванных вторжением России»

Интервью взял главный редактор UWEC Алексей Овчинников

Интервью с Еленой Кравченко, исполнительным директором, членом Правления украинской общественной организации «Экология-Право-Люди» (Environment-People-Law) (ЭПЛ), главным редактором журнала «ЭПЛ».

Международная благотворительная организация «Экология Право Люди» существует с 1994 года. За долгое время своего существования ЭПЛ стало ключевой группой экспертов по вопросам экологического права в Украине. В частности, именно эта организация инициировала и участвовала в подписании Орхусской конвенции, основала первые в Украине специализирующиеся на вопросах экологического права журнал и школу, провела многочисленные онлайн и оффлайн мероприятия. В частности, работала совместно с государственными органами над составлением и модернизацией нормативной

базы, посвященной защите природы и реализации права человека на здоровую окружающую среду.

Алексей Овчинников: Добрый день, Елена. Насколько я знаю, ЭПЛ занимается сбором данных о военных преступлениях против окружающей среды, начиная с 2014 года. С тех пор, когда в Украине началась война.

Елена Кравченко: Добрый день. Да, разрабатывать методику и проводить анализ мы начали еще в 2014-2015 году. Но уже тогда понимали, что крупномасштабное вторжение рано или поздно состоится. А значит урон окружающей среде будет нанесен катастрофический.

Еще в 2014 году мы начали разработку методологии сбора данных о преступлениях против окружающей среды в результате военных действий. Мы смогли сформировать четкий подход к тому, как фиксировать пожары в лесах, как рассчитывать нанесенный ими ущерб, обновили методику, которая действовала с советских времен. Также мы сформировали подход, как фиксировать ущерб, нанесенный войной природно-заповедным территориям. Сформировали и зафиксировали методику оценки влияния войны на почву и земельные ресурсы.

Все эти методики были представлены в Министерство окружающей среды и природных ресурсов, с которым мы совместно работаем, начиная с 2014 года. Сегодня мы можем использовать их, когда анализируем влияние военного вторжения России на окружающую среду Украины. То есть сейчас у нас есть четкое представление, как быстро и достоверно фиксировать негативное влияние на лес, объекты природоохранного фонда и почву. Это позволяет сформировать необходимую доказательную базу, которую затем можно использовать при рассмотрении в международных судах.

Алексей: Есть ли какие-то выводы, которые вы можете сделать уже сегодня, анализируя последствия вторжения для окружающей среды?

Елена: Очевидно, что последствия катастрофические и суммы, которые потребуются потратить для восстановления окружающей среды будут колоссальные. На мой взгляд, они могут превысить стоимость всех затрат на восстановление инфраструктуры.

Также мы можем констатировать, что фиксировать последствия необходимо было начинать еще 24 февраля, в первый день вторжения. К сожалению, и Министерство, и Государственная экоинспекция, и общественные организации начали документировать их с опозданием.

Сегодня, спустя пять месяцев, мы уже наблюдаем совсем другую картину. Где-то природа сама восстанавливается. Где-то мы уже не можем зафиксировать урон, нанесенный агрессором. Спустя почти полгода намного сложнее фиксировать и собирать доказательную базу преступлений против окружающей среды, чем сразу же после их совершения и обнаружения.

Алексей: Сегодня в Украине много проектов по сбору данных о преступлениях против окружающей среды. Это и Штаб при экоинспекции, и проект Экозагроза при Министерстве окружающей среды и природных ресурсов, и проект Экодии, и работа ЭПЛ. Они все действуют как единая скоординированная сеть или все же собирают информацию как-то отдельно друг от друга?

Елена: Все эти проекты работают параллельно. Что обусловлено различным подходом к сбору данных. Так, например, мы не можем быть уверены, что информация, которую собирает Экозагроза, является верифицированной. Потому что туда поступают данные, которые не проходят дополнительную проверку. Когда мы задаем вопрос, чем подтверждается алгоритм фиксации, каким нормативным документом он закреплён – нам не могут ответить.

То есть информация является неverified и не сможет быть представлена как проработанный кейс в рамках международного суда.

К сожалению, предоставление такой непроверенной информации может только усложнить получение репарации за преступления против окружающей среды. При предоставлении этой доказательной базы в международном суде она «слетит», не будет принята, что, конечно же, создаст серьезные проблемы для нас как для экологических юристов.

Алексей: То есть она не соответствует каким-то стандартам сбора и верификации информации?

Елена: Да, в международной практике уже сформировался «золотой стандарт» по анализу военных преступлений против окружающей среды. Его разработали международные юристы, которые анализировали различных военные конфликты, будь то в Никарагуа, Ираке, Йемене или другие.

Мы также стараемся собирать нашу доказательную базу в соответствии с этим «золотым стандартом», чтобы предложенные кейсы военных преступлений России против окружающей среды Украины были приняты, рассмотрены и признаны международными судами.

К сожалению, не всегда сама структура организации правового поля в стране позволяет нам провести необходимый анализ. Так, в частности, криминально-процессуальный кодекс в Украине не предполагает приглашение иностранного эксперта для сбора и обработки информации. Однако если бы у нас была такая возможность, то это бы значительно упростило стандартизацию информации перед передачей ее в международный суд.

На взгляд нашей организации, за пять месяцев активной фазы военного вторжения можно было бы разработать нормативные акты и инструкции, которые бы как позволили приглашать иностранных специалистов для разбора преступлений, так и утвердили инструкции сбора и обработки информации, которые соответствовали бы «золотому стандарту» влияния войны на окружающую среду. Однако в Украине законодательные изменения проходят медленно, что, конечно же, усложняет нам работу.

Алексей: Елена, а можете рассказать немного подробнее про этот «золотой стандарт»?

Елена: В своем принципе он представляет собой стандарт требований к собранной доказательной базе. Например, описывает то, как должны собираться, обрабатываться и предоставляться спутниковые снимки, подтверждающие преступления против окружающей среды.

Также он предусматривает выступление в суде свидетелей, которые готовы будут дать показания при рассмотрении дела. Так, по правилам международного уголовного суда, это должен быть конкретный человек или несколько лиц, которые смогут дать показания и ответить на вопросы прокурора.

Важно также, чтобы было налажено сотрудничество между Министерством окружающей среды, Министерством обороны, Министерством внутренних дел и другими государственными институтами. Был разработан единый алгоритм сбора данных.

Когда фиксируется такое военное преступление, например, обстрел российскими ракетами Ровенской нефтебазы, то важно, чтобы все ведомства работали сообща. Экологическая инспекция составляла нормативный акт фиксации. Космическое агентство – предоставляло спутниковую данные. Национальная полиция составляла протокол, в котором документировала показания свидетелей, готовых затем выступить как в национальном, так и в международном суде. То есть важно, чтобы было много официальных источников, которые подтвердят информацию и таким образом создадут «золотой стандарт».

Конечно же для того, чтобы все это работало, должна быть четкая инструкция, определяющая действия всех официальных лиц при сборе информации о преступлении. К сожалению, в Украине пока такой механизм не действует.

Алексей: Сегодня много говорят об экоциде в Украине. Расскажите, что это значит и можно ли действительно говорить о нем сегодня?

Елена: Об экоциде в Украине не только можно, но и нужно говорить сегодня. Конечно ни международное, ни национальное законодательства не были готовы к тому, что в XXI веке, спустя почти сто лет после окончания Второй мировой, мы столкнемся с экоцидом в центре Европы. Само юридическое определение этого понятия до сих пор лишено необходимой четкости.

Так, в двадцатом разделе уголовного кодекса Украины есть 441 статья, которая называется «Экоцид» и которая предполагает наказание за: «массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу».

Причем с точки зрения национального права эта статья является большим преступлением, чем геноцид. Так как расположена выше в уголовном кодексе. Однако она основана на оценочных суждениях и не ясно, что можно считать экоцидом, а что нет. Сколько деревьев должно сгореть для подтверждения «массового уничтожения»? Как фиксировать отравление атмосферы и водных ресурсов? Что такое экологическая катастрофа? Для нас, как для юристов, тут недостаточно конкретики, которая позволила бы работать с этой статьей.

Сегодня в генеральной прокуратуре у нас зафиксировано 11 преступлений против окружающей среды с начала активной фазы военного вторжения (то есть с февраля 2022 года), которые мы определяем как экоцид. Из наиболее знаковых это уже упомянутый обстрел Ровенской нефтебазы, захват Запорожской и Чернобыльской АЭС.

В соответствии с Римским уставом (Rome Statute of the International Criminal Court) у нас есть статья 8 2 б, которая не упоминает напрямую экоцид, но перекликается с 441 статьей уголовного кодекса Украины. В ней также говорится о массовом уничтожении растительного и животного мира и нанесении значительного и долгосрочного вреда окружающей среде.

Однако для нас как для юристов остается непонятным, что значит «долгосрочный», «значительный» вред. Как его измерить? Возможно поэтому эта статья 8 2 б никогда не использовалась в международных криминальных судах.

Но она есть, потому мы решили собрать данные в соответствии с «золотым стандартом» и апеллировать к ней. Это позволит либо подтвердить ее деятельность, либо продемонстрирует невозможность ее применения и необходимость переформулировать.

Так как «долгосрочный и значительный» вред с правовой точки зрения достаточно тяжело доказать, то сегодня группа юристов международников старается сделать эту статью частью другой статьи по геноциду, которая лучше сформулирована.

Что касается статьи про экоцид из Уголовного кодекса Украины, то она, к сожалению, также не является рабочей. За все время ее существования с 2014 года к ней апеллировали в суде только однажды, когда под понятие экоцида пытались подвести уничтожение трех деревьев: одной белой шелковицы и двух абрикосов. Тогда суд закончился ничем, истце отказали, сославшись на отсутствие уголовного преступления.

Сегодня у нас в разработке находится несколько дел, посвященных, например, уничтожению нефтебаз, которые проще провести через статью экоцида. То есть представить «массовость» и «значимость» нанесенного окружающей среде урона, продемонстрировать негативное влияние выбросов на почву, грунтовые воды, атмосферу. Под «массовость» также подпадают сотни гектар сгоревших лесов. Поэтому мы рассчитываем, что все эти иски будут удовлетворены, тем более такой же точки зрения придерживается и Офис генерального прокурора.

В соответствии с Римским статутом к уголовной ответственности мы хотим привлечь и за ковровые бомбардировки, которые уничтожают почвы на значительных территориях. Все они приводят к массовому и долгосрочному отравлению химическими веществами. Поэтому мы рассчитываем на существенные репарации за уничтоженные уникальные богатые гумусом почвенные покровы, которые сегодня невозможно использовать для сельскохозяйственной деятельности.

Алексей: Подавать в международный суд иски по преступлениям против окружающей среды можно уже сейчас?

Елена: Тут все также, как и в другой процессуально-юридической практике. Все дела, по которым закрыты криминальные следствия, собрана доказательная база, которые подготовлены юристами в соответствии с «золотым стандартом» можно подаваться в международный суд уже сегодня. Однако если следствие ведется, например, проводится анализ химических веществ, которые привели к отравлению окружающей среды, то эти дела будут поданы в прокуратуру по его завершению.

Наша организация сегодня сотрудничает с международными юристами из Нидерландов и Финляндии, которые помогают собрать и подготовить дела для их представления в международные суды. У нас есть опыт подачи дел в Европейский суд по правам человека. Мы изучили опыт рассмотрения преступлений против окружающей среды во время всех военных конфликтов. Проанализировали его. И, главное, у нас есть сильное желание победить и получить репарации за преступления против окружающей среды. Поэтому, думаю, можно с уверенностью говорить о том, что исход дел будет в пользу Украины.

То, что первые обращения в международный суд по вопросам преступлений против окружающей среды будут представлены именно ЭПЛ, на мой взгляд, имеет важное значение. С одной стороны, наш опыт может учесть генеральная прокуратура во время подготовки дел. С другой, то, что именно гражданская организация взяла инициативу, должно вдохновить государственные органы к тому, чтобы активнее двигаться по пути модернизации законодательной базы, а также разработки / принятия соответствующих мировому стандарту нормативных актов.

Алексей: Елена, еще один вопрос. Можно попросить вас дать комментарий по поводу конференции по вопросам восстановления Украины, которая прошла в начале июня в Лугано. Предложенный на ней план «Зелёного восстановления» Украины подвергся критике со стороны экологических организаций и даже был назван «позором».

Елена: Да, действительно, если мы берем вопрос окружающей среды и «Зелёного восстановления» Украины, то экологические организации уже назвали представленный план «луганским позором». Так, хотя Министерство природных ресурсов и окружающей среды Украины позиционирует, что над планом работало 211 экспертов и представителей гражданского общества, его финальная версия не была представлена общественности и утверждена независимыми экспертами.

Так что финальная версия, представленная в Лугано, не была одобрена экологическими организациями и гражданским обществом Украины. Более того, некоторые предложенные в ней проекты полностью противоречат устойчивому и экологичному подходу к окружающей среде.

Например, там утверждено строительство новых атомных реакторов, что противоречит Европейскому Зелёному курсу. Также там предполагается увеличение добычи традиционного углеродного топлива, в частности разработка сланцевых месторождений газа, что может нанести существенный урон окружающей среде Харьковской, Донецкой, Львовской области. Более того, это может привести к тому, что Львовская область останется без воды.

Также документ предполагает развитие новых водных путей, что, в частности, может означать возобновление работ по строительству Е 40 или аналога. А против этого водного пути, который может уничтожить экосистему Полесья, активно выступали и украинские, и белорусские, и польские экологи.

При предоставлении финальной версии Министерство активно ссылается на Европейский Зелёный курс, однако для нас, как для юристов, не ясно, как это соотносится с украинским законодательством, в каком нормативном документе прописаны принципы реализации этого курса в Украине. Кроме того, эта отсылка получилась достаточно лукавой. Например, в соответствии с Европейским Зелёным курсом запрещено строительство и использование мусоросжигательных заводов, а в Украине их планируют установить чуть ли не в каждом районном центре.

Поэтому с точки зрения защиты интересов окружающей среды предложенный на конференции в Лугано План восстановления Украины нуждается в переработке. Принципиально важно, чтобы в нем были представлены интересы и позиция экологических организаций и гражданского общества. Именно они, а не бизнес-лоббисты, которые видимо оказали наибольшее влияние на разработку финальной версии плана, помогут сделать так, чтобы восстановление Украины способствовало «Зелёному переходу» и достижению целей углеродной нейтральности во всей Европе.

Животные. Еще одни жертвы войны

Катерина Полянская, экологиня МБО «Экология - Право - Люди»

Жертвами вторжения России в Украину стали не только люди, но и «братья наши меньшие» – животные. Они взрывались на минах, погибали от ракетных ударов, сталкивались с невероятной жестокостью, смертью от голода и жажды.

Только по данным Министерства аграрной политики и продовольствия Украины, представленным в документе «Обзор убытков от войны в сельском хозяйстве Украины», по состоянию на 16.06.2022 года ориентировочное количество погибших домашних животных составило 42 тысячи овец, 92 тысячи голов крупного рогатого скота, 258 тысяч свиней, более 5,7 миллиона домашних птицы.

Причиной гибели большинства из них стали активные боевые действия, ограниченный физический доступ к фермам, ограниченные возможности по закупке кормов и по предоставлению ветеринарных услуг. Так, например, на птицефабрике «Чернобаевская» из-за обесточивания помещений и отсутствия возможности попасть к птицам погибли 4 миллиона кур и около 700 тысяч птенцов.

Известны и случаи убийства животных на фермах. В Черниговской области оккупанты убили 110 коров, используя огнестрельное оружие.

Более того, были зафиксированы умышленные поджоги конюшен с живыми лошадьми внутри. В Гостомеле в марте в огне погибли около 20 лошадей, другим удалось скрыться. Обгорелые трупы животных хозяева обнаружили на месте сгоревшего здания. Также несколько конюшен сгорело от попадания снарядов.

Тысячи животных ежедневно нуждаются в уходе, еде и воде. Они также чувствуют боль, страх, голод и жажду. Некоторые из них не могут заботиться о себе и находить корм. Животным нельзя сказать, что до завтра нужно потерпеть без еды или уйти, оставив их одних.

Например, коней на конюшне необходимо кормить 5 раз и поить 2 раза в день. Каждый конь может съесть 10-12 кг сена за сутки, несколько килограммов «каши», выпить за раз 10-20 литров воды, а также требует дополнительных витаминов – моркови, яблок, свеклы. А если таких лошадей 10, 60 или, как это встречается на некоторых конюшнях – 100? Это постоянная работа и постоянная потребность в финансировании.

В тяжелых условиях оказались сотни приютов для животных

Например, в приюте в Бородянке во время оккупации от голода и жажды погибло около 300 собак.

Большинство вопросов по спасению зверей легло на плечи волонтеров. Так, украинская организация UAnimals ежедневно публикует отчеты на своей странице в Facebook о помощи многочисленным приютам для животных, а также неравнодушным людям, принявшим к себе домой животных, покинутых хозяевами, прибывших к ним или спасенных военными и спасателями.

Некоторых животных волонтеры кормят на улицах, ежедневно приходя к местам, где они живут. Существуют приюты на 5 тысяч собак и 500 кошек, 47 кошек и 25 собак, 50 собак, приюты, которые содержат также домашних животных, спасенных с бойни или вызволенных из плохих условий.

Волонтерская помощь бездомным животным и зверям пострадавшим от войны – очень сложное дело. Постоянно нужна финансовая поддержка, чтобы закупить корма, оказать ветеринарную помощь, провести эвакуацию.

Мы очень рады, что в Украине есть такие организации и волонтеры. Их действительно много и, к сожалению, мы не можем назвать сразу всех, но от всего сердца благодарим за каждого спасенного зверька.

В помощи нуждаются и реабилитационные центры для диких животных, а также зоопарки, оказавшиеся под угрозой уничтожения

Например, в первые дни войны под оккупацией оказался зоопарк «12 месяцев» в Киевской области. В нем не было возможности обогреть животных и накормить их в течение месяца, эвакуация была невозможна.

«Фельдман Экопарк» под Харьковом прекратил свое существование из-за обстрелов. Шесть человек были убиты при попытках принести животным пищу и эвакуировать их. Была разрушена инфраструктура и вольеры. К счастью, часть животных удалось увезти.

Страдают от войны и дикие животные

В реабилитационные центры попадают птицы, лисята, оленята с различными травмами. Это те, кого удалось найти, увидеть и привезти в ветеринарную клинику, но еще тысячи животных не имеют шанса на помощь. Им угрожают ракетные удары, обстрелы из артиллерии, подрывы на минах и растяжках, многочисленные пожары, повреждения внутренних органов из-за ударных волн, стресс, вызванный шумом боевых действий. Нет возможности эвакуировать животных из охотничьих хозяйств.

В Черном море наблюдаются выбросы дельфинов и увеличение частоты их попаданий в рыболовные сети, что может быть обусловлено как взрывами, так и активным использованием военных подводных лодок с мощными акустическими приборами. Морским млекопитающим могут угрожать прямые повреждения и уничтожения из-за взрывов и выстрелов, акустических травм, которые постепенно приведут к голодной смерти или дезориентации в пространстве и выбрасыванию на побережье.

Сегодня украинские ученые совместно с турецкими проводятся исследования, уже собраны образцы тканей умерших дельфинов. Образцы будут отправлены на экспертизу, которая сможет более подробно объяснить причину гибели.

Война также стала трагедией для домашних животных

Многие из них были оставлены своими владельцами дома. Некоторых удалось спасти, за какими-то животными вернулись, но часть все равно погибла от голода и жажды в

закрытых домах и квартирах. Некоторые животные были утеряны во время эвакуации, убегая от страха. Постоянно появляются сообщения о сбитых машинами и раненых животных. От некоторых, к сожалению, отказывались даже владельцы.

Физическое издевательство над животными

Известна история о собаке по имени Лис на Макаровщине, которую избили и заминировали. Пес не мог ходить и неизвестно сколько времени пролежал в яме с мусором, пока его не нашли местные люди и не вызвали спасателей для того чтобы они его разминировали.

Еще одну из собак контузило, ее нашли с надписью краской «Дурак». Солдаты ВСУ спасли ее и передали на лечение.

Также известны случаи похищения животных – например, кота из Бучи по имени Макс, сбежавшего от похитителей в Беларуси. Местные жители по номеру на ошейнике нашли его настоящих хозяев и вернули зверька хозяевам.

Когда война закончится и территория Украины будет освобождена от оккупации, тогда прекратятся жертвы как среди людей, так и среди животных. Однако важно, чтобы во время восстановления страны были:

- созданы сети государственных приютов и реабилитационных центров для животных в каждом регионе Украины, включая сеть ветеринарных клиник;
- была организована специальная служба спасения животных;
- разработана база данных животных для частных и государственных центров помощи;
- были разработаны протоколы эвакуации;
- создан специальный фонд помощи животным;
- разработаны и реализованы экопросветительские программы по гуманному отношению к животным с учетом понимания их потребностей.

Напомним, что помочь домашним и диким животным, пострадавшим в результате вторжения России в Украину, вы можете через организацию UAnimals.

Экологи раскритиковали План восстановления Украины

От редакции UWEC

4 июля на Международной конференции по восстановлению Украины в Лугано, Швейцария, украинское правительство представило План восстановления Украины во время и после войны. Радость от презентации столь масштабного проекта Зеленого возрождения была сильно омрачена его антиэкологической направленностью, о чем высказалось сразу несколько ведущих природоохранных организаций Украины.

Как отмечают эксперты украинских экологических организаций, план полон потенциально вредных и «грязных» проектов, в нем отсутствует конструктивный подход к «Зеленому возрождению» Украины и проигнорированы экологические принципы восстановления страны, ранее предложенные 25 общественными организациями.

Цель [Плана восстановления Украины](#) разработанного правительством — быстро, эффективно, инновационно и модернизировано отстроить страну после войны. Предполагается, что финансирование этих мер будет осуществляться из средств ЕС и других зарубежных партнеров Украины.

Один из компонентов плана также напрямую касается дикой природы Украины. В частности, руководитель Минприроды Украины Руслан Стрелец [презентовал «приоритетные» для Украины проекты](#), касающиеся охраны природы, включая:

- 10 «образцовых» национальных парков;
- 15 центров реабилитации для диких животных;
- 15 биопереходов на пути миграции животных;
- 9 лесосеменных центров по выращиванию саженцев деревьев.

В результате конференции была подписана «Декларация Лугано», в которой говорится о «зеленых» проектах в области электроэнергетики, теплоснабжения, промышленности, транспорта, строительства, сельского хозяйства и отходов. Документ подписали главы государств и правительств, министры и высокие представители 42 государств, а также высшие должностные лица и высокие представители Совета Европы, Европейского банка реконструкции и развития, Европейской комиссии, Европейского инвестиционного банка и Организации экономического сотрудничества и развития.

Во время Конференции почти все лидеры в своих речах упоминали о необходимости «отстроить еще лучше» и использовали термин «Зеленое восстановление». Однако, как считают экологи, конкретики в этих вопросах было очень мало, в то время как критическая необходимость восстановления здоровой окружающей среды и удовлетворение экологических потребностей граждан Украины не были упомянуты вообще.

В целом украинские экологи довольно критично отреагировали на представленный проект плана. Так, по словам исполнительного директора Центра экологических инициатив «Экодия» Наталии Гозак, представленный Национальный план восстановления, над которым работали 2,5 тысячи экспертов и общественных организаций, [«не имеет ничего общего с потребностями окружающей среды и будущих поколений»](#).

В частности, в План были включены крайне неэкологичные, с точки зрения экспертов, предложения, такие как:

- достройка новых атомных мощностей вместо вывода устаревших и опасных блоков;
- отладка собственного цикла (эко)добычи урана;
- использование ВИЭ для производства огромных объемов водорода на экспорт, а не для внутреннего энергопотребления Украины;
- разработка полезных ископаемых;

- разработка своей добычи газа, в т.ч. сланцевого, вместо декарбонизации;
- и планы продажи зеленой электроэнергии в ЕС.

Кроме того, по словам экспертов все разговоры о декарбонизации сопровождались перечнями планов добычи и использования ископаемого топлива. Экологи горько иронизируют, что взятые на себя в том же Лугано обязательства по сокращению выбросов парниковых газов на 65% по сравнению с показателями 1990 года (которые были целью до 2030 года), уже точно перевыполнены из-за разрушения предприятий – так что теперь вполне можно и брать обязательства по сокращению выбросов, и, параллельно, наращивать объемы сжигаемого ископаемого топлива.

— С одной стороны, мы приветствуем планы Министерства защиты окружающей среды и природных ресурсов инвестировать в новые заповедные территории и экодуки. Однако мы разочарованы тем, что не услышали ни одного упоминания о важности минимизации негативного влияния на окружающую среду проектов развития, – отметил исполнительный директор WWF-Украина Богдан Вихор.

— Украинское правительство воспринимает Экологическое восстановление как способ расширить ядерный сектор и способствовать внедрению проектов по использованию ископаемого топлива (например, экспорт газа), уделяя особое внимание применению водорода и биоэнергии, умалчивая их происхождение. Мы не можем позволить себе и дальше быть зависимыми от нестабильных решений в области энергетики. Нам нужно мыслить в долгосрочной перспективе, обеспечивая развитие Украины как современной экономики, основанной на устойчивых возобновляемых источниках энергии и на программах энергоэффективности, – также прокомментировала Наталья Гозак.

Крайне критически отнеслись к названным Минприродой экологическим приоритетам восстановления Украины и Украинская природоохранная группа, [назвав конференцию в Лугано «позором»](#).

— Назвать приоритетным любой из этих дорогостоящих проектов было бы значительным заблуждением. Сохранение дикой природы Украины требует других, гораздо более системных шагов. Более того, каждый из представленных Русланом Стрельцом проектов предусматривает строительство, что является наиболее коррупционным видом деятельности в Украине, – говорится в сообщении организации.

Кроме речи руководителя Министерства защиты окружающей среды, в публичном доступе (например, [тут](#) и [тут](#)) можно найти гораздо больше информации о конкретных проектах, под которые Украина планирует привлекать средства ЕС. По мнению экспертов

Украинской природоохранной группы, часть из них очевидно приведут к значительному ущербу для окружающей среды.

Приведем примеры подобных проектов, «требующих первоочередного финансирования» и обозначенных как проекты экологического восстановления Украины:

- Наращивание минерально-сырьевой базы Украины (другими словами – увеличение объема добычи природных ресурсов, таких как древесина, полезные ископаемые и т.п.);
- переход на механизированный способ заготовки лесоматериалов с использованием харвестеров и форвардеров (иначе говоря, значительное увеличение объемов рубок за счет использования более эффективных машин\технологий);
- Усовершенствование процедуры оценки воздействия на окружающую среду (ОВД) и сокращение сроков ее проведения (что означает – упрощение процедуры и сокращение участия общественности, сильно мешающей неустойчивому бизнесу);
- Дерегуляция и упрощение доступа к недрам;
- Строительство системы ирригации на 1 млн га и развитие мелиоративных систем (иначе говоря – развитие мелиоративных систем, которые уже привели к деградации рек Украины);
- Возвращение сельских земель в экономическое обращение (другими словами, увеличение площади распахки за счет уничтожения остатков степей и самосейных лесов);
- Обновление украинских лесов (иначе говоря – вырубка старовозрастных лесов, якобы «устаревших»);
- Строительство 3,5 ГВт гидроэлектростанций и гидроаккумулирующих электростанций (общеизвестно отрицательное влияние гидроэлектростанций на биоразнообразие рек);
- Развитие международной сети внутренних водных путей в соответствии с международными договорами Украины (а именно – развитие водного пути Е40 из Черного в Балтийское море, против которого активно выступают экологи как минимум трех стран).

Представители общественных организаций утверждают, что это лишь незначительная часть антиэкологических проектов, которые могут быть реализованы в Украине. В то же время действительно приоритетные для сохранения природы меры в планах восстановления не отражены.

Стоит также напомнить, что более 25 украинских и европейских НКО обратились к чиновникам ЕС с предложением финансировать Украину исключительно при условии внедрения ряда крайне [важных реформ в сфере охраны природы](#). В тексте письма экологи обращают внимание Еврокомиссии на то, что в Украине, во время хаоса, созданного войной, корпоративные интересы активно стараются ослабить украинские экологические нормы, нанося ущерб местному населению, окружающей среде и климату. Среди законов, которые они считают нужным принять для противостояния этому, есть закон о рынке древесины, который уменьшит коррупцию при продаже древесины и выделит больше средств на защиту лесов.

Напомним, что нелегальная древесина из одних из последних девственных лесов Европы в украинских Карпатах уже использовалась для изготовления самых популярных продуктов мебельного гиганта Икеа, а аудит лесного сектора Украины, проведенный ЕС, выявил, что Государственное агентство лесных ресурсов Украины (ДАЛР) само контролирует себя. Тогда ЕС призвал к увеличению прозрачности и рекомендовал создать отдельное независимое агентство, контролирующее лесопользование, чтобы положить конец конфликту интересов и уменьшить коррупцию в лесозаготовительном секторе.

Экологи призывают международное сообщество воздержаться от любой поддержки антиэкологических проектов и надеются, что и западные партнеры, и Украина останутся верны принципам Европейского зеленого курса.

«Сегодня правительства отдают приоритет энергетической безопасности, а не переходу на экологически чистую энергию»

В июне 2022 года во время Конференции по изменению климата в Бонне, Германия, соредакторка UWEC Ангелина Давыдова вместе с Борисом Шнайдером из Clean Energy Wire CLEW поговорили с Биллом Хэар, основателем и генеральным директором Climate Analytics и одним из руководителей Climate Action Tracker. Темой разговора стало влияние войны в Украине на переговоры ООН по изменению климата и глобальные усилия стран по декарбонизации.

Мы предлагаем вашему вниманию расшифровку интервью, впервые вышедшего в подкасте Eurasian Climate Brief, который ведут Ангелина и Борис вместе с Натали Сауэр, англоязычным редактором The Conversation.

Ангелина Давыдова: Мы встречаемся в Бонне, во время межсессионного заседания Рамочной конвенции ООН об изменении климата, и это первая переговорная сессия ООН с начала войны в Украине. Можете ли вы сказать, что вторжение России в Украину сейчас влияет на переговоры по вопросам изменения климата? Какие последствия вы видите?

Билл Хэар: В прошлом году в Глазго было принято решение, что глобальная климатическая политика будет сосредоточена на повышении уровня обязательств стран

по снижению выбросов парниковых газов. Но сегодня в Бонне мы этого не наблюдаем, и это в значительной мере является следствием энергетического кризиса, вызванного вторжением России в Украину.

Проблема, которую мы имеем сегодня, заключается в том, что многие правительства сейчас сосредоточены, как они говорят, на «энергетической безопасности», а не на переходе к чистой энергии. Это и приводит к исчезновению темы более амбициозных целей по снижению выбросов парниковых газов из повестки дня.

У нас есть ряд стран, в том числе Германия, которые сосредоточились на сокращении поставок природного газа из России. Однако видно, что поставки природного газа из России замещаются поставками из других источников. Объемы даже увеличиваются. И это вызывает серьезные опасения того, что мы по-прежнему строим углеродоемкую инфраструктуру общества.

Так что результаты этой встречи в Бонне очень разочаровывают, потому что многие страны не хотят ставить более амбициозные климатические цели.

Сейчас крайне важно попытаться сократить разрыв в выбросах между теми показателями, которые вероятно будут достигнуты в 2030 году, и теми, которые должны быть достигнуты в соответствии с Парижским соглашением. Но согласованный путь взаимодействия, по сути, исчезает из повестки дня.

Ангелина: Все это звучит не очень хорошо. Из того, что я также слышу на переговорах, высказывается довольно много опасений, что климатическое финансирование для развивающихся стран (направляемое как на цели снижения выбросов, так и на программы адаптации) не будет предоставлено в том объеме, который был обещан ранее и который действительно необходим. Согласны ли вы с аргументом, что сейчас часть финансовых ресурсов перераспределяется скорее на военные и другие цели, а не на помощь в достижении целей устойчивого развития и реализацию климатической политики?

Билл: Вопрос климатического финансирования — это давняя проблема. Развитые страны по-прежнему не выполнили взятые на себя обязательства предоставить 400 миллиардов долларов. Экономические проблемы, вызванные коронавирусом, а теперь и войной в Украине, заставляют правительства очень неохотно увеличивать объемы климатического финансирования. И я полагаю, что это станет серьезным политическим вопросом для обсуждения на конференции сторон в Египте на COP27.

Думаю, что оба эти направления – усиление целей по снижению выбросов и конкретные действия необходимо также поддерживать дополнительным финансированием. Если этого не произойдет, то на встрече в Египте наверняка создастся очень неблагоприятная политическая обстановка.

Ангелина: Так что же должно произойти до конференции в Египте, чтобы глобальное сообщество могло вернуться к более активным мерам в области климатической политики? Какие усилия нам нужны, и с каких сторон?

Билл: Я думаю, что для улучшения ситуации на конференции сторон в Египте есть несколько возможностей.

Через несколько недель состоится встреча «Большой семерки» (G7), затем встреча «Большой двадцатки» (G20), и у нас есть Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций, на которой в сентябре будет доминировать повестка Недели климата.

Все эти международные встречи – хорошая возможность для правительств подтвердить свою приверженность активизации действий по снижению выбросов и адаптации к изменению климата.

Так что можно надеяться, что лидеры G7, а затем лидеры G20, а затем и представители правительств, которые встретятся под эгидой ООН в сентябре, действительно подтвердят свою приверженность позитивному выходу из энергетического кризиса, связанного с войной в Украине.

Что правительства действительно должны делать сегодня — это удвоить усилия по развитию возобновляемых источников энергии и экологически чистых технологий. Также они должны удвоить усилия по оказанию финансовой поддержки развивающимся странам для сокращения ими выбросов, а также для адаптации к изменению климата.

При этом тенденции, которые мы видим сегодня, очень опасны, потому что мы наблюдаем увеличение объема финансирования, направленного на развитие инфраструктуры сжиженного природного газа. Особенно в Африке. Происходит это на фоне снижения инвестиций в возобновляемые источники энергии в этом регионе. И в то же время мы наблюдаем сокращение объемов доступной энергии для самой Африки.

Получается, что в то самое время, когда мы должны были видеть рост инвестиций в возобновляемые источники энергии, развитие доступа к энергии, преодоление проблем энергетической бедности в Африке, в действительности мы обнаруживаем массовые

инвестиции в ископаемое топливо. Причем не только со стороны частных компаний, но и прямо или косвенно иницируемые правительствами развитых стран «глобального Севера». Все это плохо отразится на будущем и лишь укрепляет старый тренд, когда масштабные инвестиции в ископаемое топливо, особенно в развивающихся странах, не приносят серьезные выгоды реальным людям. Они в первую очередь удовлетворяют интересы элит, способствуют обогащению компаний, которые переводят свою прибыль акционерам, зачастую живущим в Европе или Северной Америке. Это действительно большая проблема, которую я вновь вижу спустя очень и очень долгое время.

Борис Шнайдер: Я хотел бы задать вам несколько вопросов об отчете, который был опубликован Climate Action Tracker в начале июня. В нем авторы говорят, что после российского вторжения в Украину мы наблюдаем настоящую энергетическую «лихорадку», связанную с производством ископаемого газа, рост инвестиций в ископаемое топливо, новые трубопроводы и, в частности, в заводы по производству сжиженного природного газа. В Германии также много говорят об этой инфраструктуре как о способе избежать импорта российского газа.

Не могли бы вы рассказать подробнее об основных выводах, сделанных в вашем отчете? Что означают все эти новые инвестиции с точки зрения целей Парижского соглашения – ограничить повышение приземной температуры в пределах 1,5 градуса по Цельсию?

Билл: Энергетический кризис, вызванный вторжением Россией, означает, что Европа отказывается от российского газа. И это правильно. Я не думаю, что кто-то станет спорить с тем, что потребность в этом газе в течение определенного периода времени должна быть удовлетворена альтернативными источниками, чтобы в странах Европы было электричество, а промышленность продолжала развиваться.

Однако что действительно поставлено на карту, так это долгосрочные обязательства по поставке газа через новую инфраструктуру сжиженного газа в Европе. Например, в Германии, Италии, Нидерландах. И эти обязательства по импорту газа уже намного превышают объемы, необходимые для замещения российского газа.

Во-первых, объем поставок становится больше. Во-вторых, мы понимаем, что обязательства рассчитаны на десятилетия. Сложите все это вместе и вы получите действительно большую проблему для политики декарбонизации в Европе.

Мы знаем, например, что две немецкие коммунальные компании, RWE и Juniper, заключили контракты на поставку сжиженного газа в несколько мегатонн в год с

австралийским производителем Woodside, который они теперь хотят поставлять в Германию. И это контракты на десять, пятнадцать... двадцать лет или около того.

Все они совершенно противоречат идее быстрой декарбонизации Германии и Европы. И указывают на действительно серьезный конфликт между климатическими целями в Европе и той реальностью, которую правительства формируют, поддерживая подобные контракты на газ.

Это создает большой риск для будущего, потому что компании захотят сделать инвестиции в формирующуюся углеродную инфраструктуру и получить прибыль в течение десяти, двадцати или более лет. А это означает дальнейшее связывание экономики с углеродным топливом.

Так что это действительно один из наибольших рисков, которые я вижу. При этом, конечно, европейская энергетическая ставка на развитие инфраструктуры сжиженного природного газа на самом деле является лишь частью гораздо более крупной глобальной проблемы, которую мы наблюдаем.

Например, в Африке объем поставок сжиженного природного газа сегодня может увеличиться на 60 - 74 миллиона тонн. Для сравнения, у крупнейших производителей, таких как Катар или Австралия, эти показатели равны приблизительно 79 или 80 миллионам тонн. Поэтому одного увеличения объема добычи в Африке достаточно, чтобы создать серьезную проблему с точки зрения климатической политики. И так или иначе газовые компании и правительства используют украинский и российский энергетический кризис, чтобы оправдать свои действия. Все это действительно похоже на то, что все климатические амбиции отбрасываются и заменяются «газовой лихорадкой».

При этом в политической сфере мы также слышим, что лидеры G7 и лидеры G20 все чаще будут стараться отказаться от энергетического перехода как цели энергетической безопасности. Что в первую очередь означает увеличение поставок газа.

Борис: Некоторые политики в Германии, если не ошибаюсь, в том числе и министр экономики и энергетики, который кстати представляет Партию Зелёных, заявляют, что инфраструктура сжиженного газа будет использоваться и для получения водорода. Так что она не будет полностью бесполезным активом с точки зрения энергетического перехода. Считаете ли вы это реалистичным вариантом?

Билл: Я думаю, что с технической точки зрения возможно иметь терминалы сжиженного природного газа и распределительные системы, совместимые с водородом.

Скептицизм, который вызывают подобные заявления, обоснован тем, что мы слышали это и раньше от представителей индустрии ископаемого топлива.

Возможно вы помните, что несколько лет назад, лет десять или около того, было много дискуссий о развитии чистых угольных технологий. Говорили об улавливании, хранении и использовании углерода для угольных электростанций. У нас были политики, включая канцлера Германии (на тот момент ею была Ангела Меркель), которые поддерживали идею создания угольной электростанции, работающей с технологией улавливания углерода. Однако я не слышал, чтобы где-то в Германии или вообще на планете была построена хоть одна такая станция.

Так что к подобным заявлениям, не основанным на конкретных примерах, стоит относиться весьма скептически. И причина в том, что компании, строящие эти терминалы, хотят получить долгосрочную прибыль. Это касается не только самого терминала, но и спроса на газ.

Сегодня компании делают многомиллиардные инвестиции в производство сжиженного природного газа, с тем чтобы он поступал на эти терминалы. Эти компании всегда будут иметь право голоса в политической системе, выстроенной вокруг инфраструктуры ископаемого топлива. Так что я отношусь скептически к подобным заявлениям. Я не сомневаюсь, что Германии нужно найти способ заменить российский газ на несколько лет и думаю, что все согласны с этим. Речь идет о скептическом отношении к вопросу, будет ли новая газовая инфраструктура краткосрочным решением или же частью долгосрочного проекта.

Борис: А как вы относитесь к дискуссии, а также к существующим в некоторых странах попыткам облагать налогом сверхприбыли компаний, зарабатывающих на ископаемом топливе? Ведь очевидно, что поскольку цены на энергоносители очень сильно выросли с начала вторжения, многие из них зарабатывают сегодня намного больше денег, чем до войны. Считаете ли вы это разумной и возможной мерой?

Билл: Я не экономист, но как гражданин считаю вполне разумным облагать налогом необычайно высокую прибыль и использовать полученные средства для общественной пользы. Люди страдают от повышения цен на энергоносители, страдает промышленность, поэтому было бы разумно облагать налогом непредвиденные прибыли и, таким образом, также лишать компании стимулов продолжать двигаться в направлении ископаемого топлива.

Так что я думаю, что это была бы важная инициатива государственной политики. Я изо всех сил пытаюсь понять, почему правительства не двигаются в этом направлении, хотя это кажется более чем очевидным.

Говоря по-простому, многие газовые компании наживаются на войне в России, они делают деньги, в то время как мы страдаем от роста цен на энергоносители. Причем это касается не только людей в богатых странах.

Мы видим страны, которые сегодня импортируют ископаемое топливо, но при этом довольно бедны, их жители вынуждены платить за энергию довольно высокие цены. И это один из факторов, который на самом деле мешает более широкому доступу населения к энергии в Африке. Люди там больше не могут позволить себе покупать, например, сжиженный природный газ, который несколько лет назад продавали как «панацею» решения проблемы доступа к энергии, они просто не могут себе этого позволить. Поэтому они возвращаются к традиционным способам отопления и это один из факторов, препятствующий решению проблемы.

Так что я уверен, что существует моральный аргумент в пользу налогообложения компаний, а также, думаю, найдется очень хороший экономический аргумент.

Ангелина: Вы сейчас много говорили о том, как правительства, а также отдельные компании зарабатывают деньги во время войны в Украине. До войны, а также в рамках встреч по Рамочной конвенции ООН по климату, было много споров о том, как мир все больше движется в сторону развития возобновляемых источников энергии, децентрализации энергоснабжения, о том, что люди (являющиеся потребителями) должны больше совместно обсуждать эти процессы, получать больше инструментов влияния на энергетический сектор – вместо правительств и компаний. Есть ли у нас шанс вернуться к этой дискуссии?

Билл: Это очень хороший вопрос. Я думаю, что у нас есть все возможности вернуться к этому. Вопрос в том, насколько долгосрочными будут структурные изменения рынка газа и ископаемого топлива для компаний, которые в настоящее время работают в этой отрасли. Если они станут долгосрочными и будут поддерживаться правительством, то вернуться к вопросам энергетического перехода будет очень сложно.

Сегодня мы знаем, что, несмотря на энергетический кризис, а возможно и из-за него, возобновляемые источники энергии стали намного дешевле, чем традиционные. Резкий скачок цен на сжиженный природный газ и цен на уголь наглядно показывают нам, куда двигаться дальше.

Я убежден, что энергетическая безопасность – это возобновляемые источники энергии. И сегодня нам нужен сильный экономический стимул двигаться в этом направлении.

Я давно занимаюсь проблемами, которые мы видим сегодня. И думаю, что это очень сильное и скоординированное глобальное влияние со стороны газовой и нефтяной промышленности, направленное на срыв реализации Парижского соглашения. Я думаю, что сегодня происходит именно это. Я не могу этого доказать, но это то, что я наблюдаю последние месяцы.

И это напрямую связано с необычайным увеличением активности бизнеса в области «гринвошинга». Если вы, например, зайдете на сайты таких компаний, как Total или Woodside, то практически на первой же странице увидите заявленные ими обязательства по достижению нулевого уровня выбросов. Однако когда вы начнете читать внимательнее, углубляясь в статистику, то увидите, что на практике абсолютно ничего подобного нет. Никакого достижения нулевого уровня выбросов не происходит. И не произойдет. А если и произойдет, то только за счет покупки «офсетов» и других механизмов компенсации.

Поэтому я думаю, что у нас есть все основания быть глубоко обеспокоенными тем, как индустрия ископаемого топлива делает все возможное, чтобы сорвать реализацию и даже разрушить Парижское соглашение. Это создает серьезный риск не только для климата, но и для людей во всем мире. В частности, это не поможет бедным людям в развивающихся странах получить доступ к энергии. Кроме того, это увеличивает реальную вероятность того, что люди в наиболее уязвимых регионах испытают неприемлемое, даже катастрофическое влияние изменения климата.

UWEC Work Group
2022